

Перед посторонними Гу Цин всё же старался сдерживаться. К тому же... в то короткое мгновение он уловил во взгляде Мэй Цзибая нечто опасное.

Опрометчиво.

Он не упоминал «Юй Цзиньняня», но ведь он им и был.

Как ни старайся измениться, невозможно стереть всё дочи́ста, не оставив ни единой зацепки. Прошло два года; даже если у Мэй Цзибая и остались какие-то воспоминания, они вряд ли сохранили былую четкость. Пока он сам не признается, кто поверит в переселение душ? Это же абсурд.

К тому же два года назад он поначалу терпеть не мог Мэй Цзибая и совсем не скрывал своего скверного характера, то и дело выпуская колючки. Позже, чтобы облегчить себе жизнь, он начал активно сближаться с ним, спрятал когти и прикинулся кротким кроликом. Но это была лишь маска, а не его истинное лицо. Они никогда не жили вместе по-настоящему. Мэй Цзибай толком его не знал — разве что помнил о его навязчивых привычках, — да и воспринимал лишь как мимолётное увлечение. Вряд ли он стал бы копать глубоко.

Сейчас Гу Цин был гораздо ближе к самому себе. И пускай в этой публичной «любви» была изрядная доля притворства, он вёл себя естественнее. Само его состояние изменилось.

Окончив размышления, он разжал пальцы и осторожно разгладил складки на одежде Мэй Цзибая, которую сам же и помял. Прижавшись к его груди, Гу Цин невинно моргнул:

— Ну конечно, я изменился! До свадьбы я шалопайничал, но после — пора и за ум браться. Видишь, как сильно ты мне нравишься? Сила любви творит чудеса. Я ведь очень домашний человек. Обещаю, отныне в моих глазах будешь только ты один. И на кого это я, по-твоему, похож? Я — это я, и изменился только ради тебя. А ты совсем не ценишь моих стараний, муж~

Гу Цин говорил со всей убеждённо́стью, на которую был способен, однако Мэй Цзибай почувствовал странное дежавю.

— Ценю, — подхватил он. — Раз уж ты у нас такой домашний, то не ходи больше никуда по вечерам с этой компанией.

— Разумеется! Разве я в последнее время не паинька?

Мэй Цзибай негромко откликнулся, рассеянно потрепал Гу Цина по голове и, отстранившись, вышел из лифта. Он слегка помрачнел.

Должно быть, в последнее время навалилось слишком много дел, иначе с чего бы ему казалось, что Гу Цин так похож на Юй Цзиньняня? Выражение лица, интонации... даже тот блеск в

глазах, когда парень замышлял очередную каверзу, был один в один.

Подражание?

Исключено. Его отношения с Юй Цзиньянем никогда не афишировались; посторонние в лучшем случае знали лишь то, что рядом с ним кто-то есть.

Как только Мэй Цзибай ушел, Гу Цин улыбнулся Дай Инь, которая всё ещё придерживала двери лифта, и протянул ей телефон.

— Отсканируй мой код, добавимся в друзья. И скинь мне пригласительный код для корпоративного форума. Он разрешил.

С помощницей Мэй Цзибая связь поддерживать стоило.

Дай Инь послушно отправила запрос, но ничего обещать не стала. Сначала ей нужно было доложить об этом боссу. Этот молодой господин Гу в их кругах слыл законченным повесой, и она не решалась сама определять формат их общения.

Впрочем, судя по событиям последних двух дней, положение Гу Цина было как минимум... особенным.

После того как Мэй Цзибай задал тот странный вопрос, Гу Цин не рискнул задерживаться. Пообедав, он быстро вернулся в свою компанию. К этому времени он уже неплохо вник в рабочие процессы; раньше он сваливал всё на вице-президента, но теперь пришла пора брать ответственность на себя.

Однако!

Вечером, дожидаясь, пока Мэй Цзибай заедет за ним после работы, он зашёл в аккаунт главного анти-фаната и настроил новый пост. В качестве доказательства приложил фото актового зала с утреннего юбилея. Лица людей он закрасил, оставив лишь узнаваемый фон — подтверждение того, что он там был.

[Это всё фарс! «Любящая чета»? Ха! В высшем свете полно таких «идеальных» пар, где от чувств одно название. Мэй Цзибай и Гу Цин раньше почти не пересекались, а я вам сейчас всё по полочкам разложу. Этот Гу, может, и фанател по Мэй Цзибаю, но старший господин Мэй на него и смотреть не хотел...]

[Скажу вам честно: этот Мэй, конечно, богат и красив, но он — ходячее воплощение ОКР. Я с ним сталкивался, это просто нечто. В любую дверь он входит строго с левой ноги. Да-да, Господин Мэй просчитывает каждый шаг на три хода вперед, поэтому никто и не замечал его закидонов. А я вот случайно увидел...]

[Так что сегодня они просто играли на публику, чтобы пустить всем пыль в глаза. Обычный деловой брак, ничего больше. Помяните моё слово: они разведутся! Не разведутся — в прямом эфире клавиатуру съём!!]

Гу Цин намеренно подражал стилю прежнего владельца аккаунта — от манеры обработки фото до язвительного тона. Закончив, он с довольной улыбкой просмотрел посыпавшиеся комментарии единомышленников.

Всё-таки пользователи сети — милейшие люди.

Насчёт левой ноги он не соврал — это подметил ещё «Юй Цзиньнянь». Наедине с ним Мэй Цзибай, кажется, расслаблялся, не держал фасад и не воспринимал любовника всерьёз, вот и допускал промашки.

Если он так суров к самому себе, заставляя соблюдать подобные ритуалы, то что уж говорить о других? Достаточно взглянуть на тот Уговор из трёх пунктов, чтобы всё стало ясно.

Настоящая любовь? Неземная страсть? Бросьте. Фальшивка чистой воды.

Он вовсе не собирался затягивать этот союз. Как только он разузнает всё о делах Корпорации Юй, выследит главного кукловода и заставит его заплатить по счетам, то сразу подаст на развод. Тогда им с Мэй Цзибаем больше не придётся мозолить друг другу глаза.

Гу Цин прекрасно понимал: Мэй Цзибаю с его манией порядка нелегко терпеть его безалаберный нрав. Но меняться он не собирался. Пускай Мэй Цзибай мучается, а он будет жить так, как привык. Наверное, в этом была доля мести за то, как Мэй Цзибай когда-то развлекался с ним, словно с дорогой игрушкой.

По дороге домой они хранили молчание. Мэй Цзибай отдыхал с закрытыми глазами, а Гу Цин был только рад тишине. Опустив голову, он листал ленту на форуме с аккаунта, который зарегистрировал днём.

Уже подъезжая к Старому поместью семьи Мэй, он предложил, что в будущем станет сам ездить на работу — без водителя ему будет удобнее.

Мэй Цзибай не возражал, лишь напомнил, что ужинать они должны дома.

Гу Цин уклончиво ответил «постараюсь», не давая четкого обещания. Вернувшись в Старое поместье семьи Мэй, он хотел было сразу подняться к себе, чтобы переодеться, но на втором этаже его окликнула Е Ваньжун. Рядом, прислонившись к стене, стоял и наблюдал за сценой второй молодой господин — Е Байцин.

Перед этой величественной и элегантной дамой он, при всём своём нежелании, не смел

дерзить. Гу Цин нацепил улыбку:

— Мама, я только переоденусь. Весь день на ногах, я быстро.

— Не нужно. Я скажу лишь пару слов.

Гу Цин бросил на Мэй Цзибая умоляющий взгляд — было ясно, что сейчас начнутся нравоучения. С Господином Мэй он ещё мог поспорить, но Е Ваньжун была старшей в семье, и проявлять неуважение было бы верхом неосмотрительности.

В этом взгляде читалась такая беспомощная растерянность, столь разительно контрастировавшая с его утренней резкостью в лифте, что в душе Мэй Цзибая что-то дрогнуло. Он взял Гу Цина за руку и слегка задвинул его себе за спину.

Е Ваньжун заговорила прежде, чем сын успел вставить слово:

— Раз уж ты вошёл в дом Мэй, то обязан соблюдать наши правила. Гу Цин, не буду поминать твой прежний легкомысленный нрав, но отныне на людях веди себя сдержаннее. Не стоит повторять то, что было сегодня утром на юбилее... Ты позоришь доброе имя семьи.

Теперь Гу Цин понял, в чём дело. Слухи о его выходках дошли до хозяйки дома, и та сочла их оскорбительными.

Е Байцин, лениво перекатывая во рту чупа-чупс, ехидно вставил:

— Вот именно. Ты что, думаешь, моего брата можно целовать когда вздумается? Он тебя не любит, так что кончай прикидываться «любящим муженьком». Я тебя за невестку не признаю.

«Ах ты ж мелкий паршивец!»

Гу Цин и сам был не в восторге от роли «невестки», и уж точно не горел желанием обзаводиться таким колючим и вредным деверем. Словно он сам мечтал об этом браке!

Однако слова возражения застряли в горле. Он рассчитывал, что Мэй Цзибай не станет выставлять его на посмешище, но совсем забыл про остальных членов семьи. Они-то прекрасно знали, что это лишь деловой союз.

Придя к этой мысли, он ещё сильнее вжался в спину Мэй Цзибая и, легонько ткнув его пальцем в поясницу, прошептал:

— Но... но я ведь и правда люблю Цзибая. Я признаю, раньше вёл себя глупо. Если бы он не

игнорировал меня, разве стал бы я нарочно говорить о нём гадости, чтобы привлечь внимание?.. Теперь я буду послушным и перестану безобразничать. А утром... утром это был просто порыв чувств, никакого притворства.

Ему оставалось только стоять на своём до конца, подавая второму участнику этой драмы знак — пора бы и тебе что-нибудь сказать.

Мэй Цзибай мельком взглянул на брата, и тот, надувшись, замолчал. Затем он перевёл взгляд на Е Ваньжун:

— Мама, всё, что он говорит и делает, происходит с моего ведома. Если окружающие будут верить в крепость нашего союза, это пойдет на пользу сотрудничеству двух семей. К тому же... слушать его вздор порой довольно забавно. Это не мешает.

Гу Цин поперхнулся воздухом. Значит, он опять стал для него развлечением?!

Е Ваньжун слегка нахмурилась:

— Цзибай, это совсем не в твоём стиле.

Она хорошо знала сына. С характером Мэй Цзибая он никогда не потерпел бы подобных выходов и бесстыдных, несдержанных речей. Это было за гранью приличий. Держаться за руки — куда ни шло, но целоваться и признаваться в любви при всех? Это чересчур.

И теперь Мэй Цзибай говорит, что это... забавно?

Она этого юмора не разделяла.

Мэй Цзибай примирительно добавил:

— Я сам разберусь с нашими делами, не беспокойтесь. Это не повредит репутации семьи. Вы тоже сегодня наверняка устали, конец года — горячая пора для благотворительных фондов.

Е Ваньжун и впрямь вымоталась за день. Она лично управляла несколькими фондами семьи Мэй, и дел было невпроворот. Раз Мэй Цзибай заговорил в таком ключе, она не стала настаивать, решив, что выберет время и поговорит с Гу Цином с глазу на глаз.

Гу Цин поплелся за Мэй Цзибаем в комнату. Проходя мимо Е Байцина, он заметил, как тот закатил глаза. Не будь рядом Е Ваньжун и не держи его муж за руку, он бы с удовольствием проучил этого мальчишку. Не признаёт он его, видите ли.

Признаёт или нет, а он — законный супруг его драгоценного старшего брата, и по статусу — старший по отношению к нему!

Оказавшись в комнате и закрыв дверь, Гу Цин наконец перевёл дух.

— Я что, веду себя неприлично?

Мэй Цзибай увидел, что растерянность Гу Цина была искренней.

— Благопристойность, сдержанность, строгость и достоинство — вот на чём строилось воспитание моей матери. Гу Цин, ты можешь этого не понимать и не принимать, но она — старшая, и тебе следует проявлять к ней уважение.

Этого Гу Цин действительно не понимал.

События до шести лет он помнил смутно, а после... после он рос с матерью в трущобах, где смешались люди всех мастей. Приличия? Когда его травили и дразнили из-за того, что у него нет отца, он думал не о приличиях, а о том, как дать сдачи и выплеснуть гнев.

Он не позволял называть себя «безотцовщиной» или «выродком», а свою мать — «подстилкой» или «разлучницей».

Его не учили приличиям. Его учили кулаками защищать мать и те крохи достоинства, что у них оставались. Когда приличие и достоинство не могли ужиться вместе, он без колебаний выбирал последнее.

Кому не хочется быть уважаемым?

Но часто жизнь просто не оставляет выбора.

Он отогнал эти мысли и, нарочито легкомысленно кивнув, спросил:

— А ты? Тебя тоже воспитывали в строгости? Твой дед — великий художник, бабушка — из интеллигентной семьи. Хоть дедушка с бабушкой по отцовской линии и бизнесмены, они наверняка разделяют эти взгляды.

Мэй Цзибай взглянул на него и машинально пригладил торчащую прядь волос на голове Гу Цина. Уклонившись от прямого ответа, он произнёс:

— В тебе есть жизненная сила, которая притягивает. Я принимаю твоё предложение. Если считаешь нужным так поступать — поступай.

Гу Цин взгляделся в спокойное лицо Мэй Цзибая. Хм, всё ещё не злится.

И даже подыгрывает.

Он коротко рассмеялся, и в его голосе прозвучали лукавые нотки:

— Вообще-то мне просто надоели твои домашние правила, вот я и решил устроить это шоу. Ты правда готов подыгрывать? Не боишься, что однажды я перегну палку?

— Можешь попробовать.

Гу Цин склонил голову набок, на мгновение задумавшись, а затем лучезарно улыбнулся:

— Ладно. Посмотрим, что случится раньше: я не выдержу твоего ОКР или ты — нашей игры в идеальную пару.

Играть так играть, ему не привыкать. Разве последние полгода перед смертью он не занимался тем же самым? Пока фасад «счастливого брака» помогает его расследованию, он готов на что угодно.

Глядя на улыбку Гу Цина, Мэй Цзибай коснулся его щеки и тихо спросил:

— Не хочешь переехать?

Гу Цин невольно прильнул к его ладони, а смысл вопроса дошёл до него лишь спустя секунду:

— Уехать из Старого поместья семьи Мэй?

— Да. Отсюда. В отдельный дом.

Гу Цин воодушевился. Он схватил Мэй Цзибая за руку:

— Хочу! Ещё как хочу! Когда переезжаем? Я буду паинькой, обещаю!

— Слушайся меня и делай всё по Уговору из трёх пунктов. Если будешь справляться, я закончу дела за пару дней и поговорю с родителями. Они не станут препятствовать моим решениям.

— Договорились! Буду следовать каждому пункту! — Гу Цин был на седьмом небе от счастья. Видит бог, эти чопорные обеды за одним столом со старшими, где каждый кусок нужно проглатывать по правилам, превращали еду в безвкусную кашу.

К тому же этот Е Байцин вечно смотрит на него как ёж на щётку — того и гляди, гадость устроит. Лучше держаться от них подальше. Сейчас главное — расследовать дело Корпорации Юй, а статус «любимого мужа» Мэй Цзибая откроет перед ним любые двери.

Глава семьи Мэй ценит его, а значит, и другие будут с ним считаться.

Гу Цин сиял от восторга, а Мэй Цзибай, продолжая ласкать его щеку, погрузился в молчание.

Неужели это чувство дежавю — лишь случайность? Он не понимал, откуда оно берется. Неужели дело только в том, что Гу Цин и Юй Цзиньянь несколько лет общались в сети?

Вне стен Старого поместья семьи Мэй Гу Цин станет свободнее. Возможно, тогда он сможет узнать правду.

<http://bllate.org/book/17544/1708725>